

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

*М.А. КЛУПТ***Региональные альтернативы
глобального демографического
развития**

Статья продолжает спор о причинах, перспективах и возможных последствиях роста рождаемости, начавшегося в развитых странах мира. Разрыв между лидерами рождаемости (США, Франция, Великобритания и др.) и ее аутсайдерами (Италия, Германия, Япония и др.) может оказаться весьма устойчивым и привести к тому, что иммиграционная политика лидеров будет сфокусирована на “качестве” миграции.

Ключевые слова: регион, глобальное демографическое развитие, альтернативность, рождаемость, миграции.

Paper continues the dispute on the causes, the prospects, and the eventual consequences of the recent fertility growth in developed countries. The gap between the high (US, France, UK, etc.) and the low fertility countries (Germany, Italy, Japan etc.) may be resistant, the former likely focus their immigration policy on improving “a quality” of migration.

Keywords: region, alternatives, global demographic changes, fertility, migrations.

Исследование исторических альтернатив необязательно сводится к поиску ответа на извечный вопрос: “Могло ли быть иначе?”. Этот вопрос можно и переформулировать, сфокусировав внимание на том, что находится в процессе становления. В начале XXI столетия в демографическом развитии планеты обозначился ряд новых альтернатив. Их последующая судьба еще не вполне ясна, ибо они могут приобрести глобальное значение, а могут так и остаться региональными феноменами или вовсе исчезнуть.

Альтернативы мирового Севера

Недавняя статья “Развитие обращает снижение рождаемости вспять” во всемирно известном журнале “Nature” стала заметным событием в дискуссии о взаимовлиянии социально-экономического и демографического развития. Сопоставляя динамику Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) и суммарного коэффициента рождаемости (СКР) за последние три с лишним десятилетия, авторы статьи пришли к выводу, что при уровнях ИРЧП больших 0,86 отрицательная корреляция СКР и ИРЧП превращается в положительную. “Успехи в развитии дают шанс обратить тенденции спада рождаемости вспять”, – полагают они. “Как следствие, – продолжают авторы

Клупт Михаил Александрович – доктор экономических наук, профессор, декан факультета регионоведения, информатики, туризма и математических методов Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

статьи, – мы ожидаем, что страны с наиболее высокими показателями развития получат относительно стабильную численность населения, если не увеличение общей численности населения в случае значительной иммиграции” [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009, p. 741].

Легко видеть, что данный вывод резко контрастирует с тезисом, ставшим краеугольным камнем теоретических построений многих российских демографов и общим местом отечественных СМИ: “Повсеместно уменьшение числа детей в семьях – спутник не снижения, а роста благосостояния” [Население... 1998, с. 136]. Неудивительно, что статья в “Nature” стала предметом оживленной полемики в российских печатных и электронных изданиях [Коротаяев... 2010; Панкратов, Турчин, 2010; Демография... 2011]. В ходе этой полемики обозначились две позиции в отношении будущего рождаемости в развитом мире.

В соответствии с одной из них, более ранней, это будущее безальтернативно и примерно одинаково для всех стран мира. “Современные реформы, переход к рыночной экономике в постсоветских государствах, – полагал, например, полтора десятилетия назад А. Вишневский, – еще больше усиливают их сходство с Западной Европой, а тем самым и действие факторов, предопределяющих конвергентное демографическое развитие. Было бы намного более странным, если бы, вступив на путь реформ, Россия или Украина в демографическом плане не сближались с европейскими странами, а удалялись от них” [Вишневский, 1998, с. 123].

Сегодня, однако, различия в уровнях рождаемости в развитых странах столь велики, что без дополнительных уточнений неясно, сближение с какими именно европейскими странами имел в виду известный демограф. С теми ли, где рождаемость сегодня достигла уровня простого воспроизводства или вплотную приблизилась к нему – Ирландией (СКР в 2009 г. 2,07), Францией (1,98), Норвегией (1,98), Великобританией (1,94) и Швецией (1,94)?¹ Или, напротив, с теми, где родительское поколение замещается поколением детей не более, чем на 60–70% – Португалией (1,32), Германией (1,38), Австрией (1,39), Испанией (1,40) и Италией (1,41)? Обращение к когортным показателям – обычный аргумент сторонников рассматриваемой позиции – чуть сокращает указанные разрывы, но не меняет положения в принципе. Итоговое число рожденных детей в когорте женщин 1965 г. рождения в США (2,07), Норвегии (2,06) Австралии (2,03) и Франции (2,02) практически обеспечило замещение родительского поколения поколением детей, разительно контрастируя с Италией (1,49) и Испанией (1,59).

Происходящие изменения учитывает более новая теоретико-методологическая позиция [Коротаяев... 2010]. В соответствии с ней “каноническую” (однофазную) схему второго демографического перехода [Van de Kaa, 1987] следует дополнить новой, второй фазой. При этом, если первой фазе соответствует низкий аттрактор рождаемости, то второй – высокий. Во вторую фазу, по мнению исследователей, придерживающихся данной точки зрения, вступили высокоразвитые страны с уровнем рождаемости, близким к простому воспроизводству населения.

На мой взгляд, пока нет никаких доказательств того, что приближение СКР в вышеназванных странах к отметке простого воспроизводства знаменует именно новую фазу второго демографического перехода, а не параллельное сосуществование двух альтернативных режимов воспроизводства населения в постиндустриальных странах. Это – предмет отдельной дискуссии. Здесь же необходимо подчеркнуть, что А. Коротаяев, К. Панкратов и их соавторы правы в том, что на повышение рождаемости в развитых странах пора, наконец, обратить внимание.

Во-первых, в силу потенциальной значимости данного феномена формирование режима простого воспроизводства населения даже в нескольких странах “Большой восьмерки” может породить достаточно серьезные демографические и социально-политические последствия. Во-вторых, ввиду его достаточной длительности: СКР в

¹ Здесь и далее, если это не оговорено особо, данные о СКР стран ОЭСР приведены по [OECD... 2010], России по [Демографический... 2010, с. 94], остальных стран по [Population... 2010].

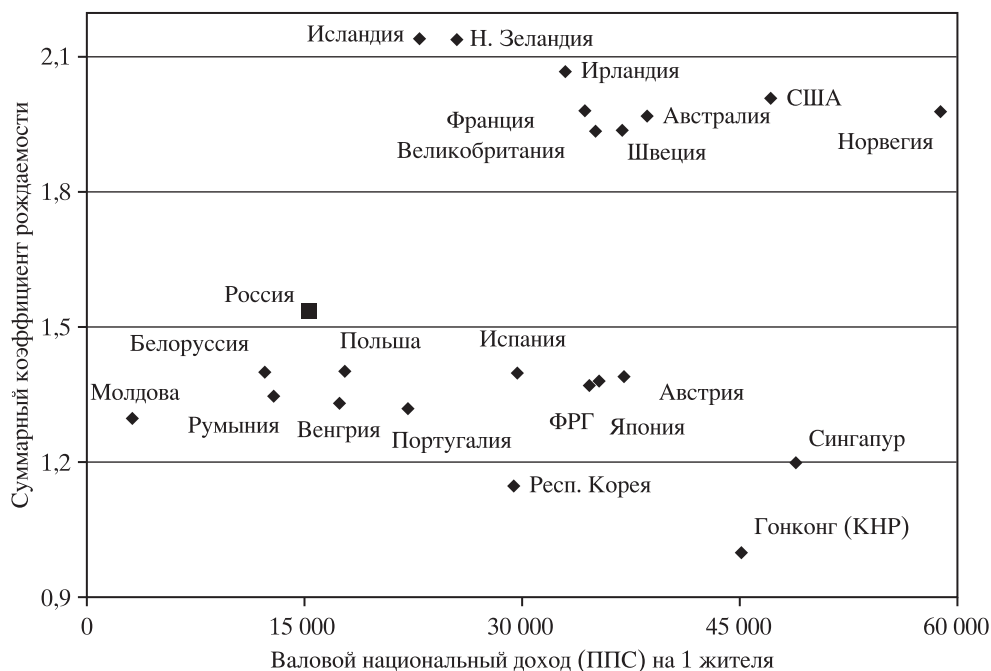

Рис. 1. Полюса рождаемости (развитые страны с СКР выше 1,9 и не выше 1,4, и Россия)*.

*Данные о СКР приведены за 2009 г., данные о валовом национальном доходе (ППС) на 1 жителя за 2008 г.

Источники: [OECD... 2010; Population... 2011; Human... 2010, p. 143–146].

“Европе пятнадцати” растут, а в США варьируют в интервале 2,0–2,1 на протяжении всего нынешнего столетия. В-третьих, из-за того, что тенденцию к повышению начинают демонстрировать и когортные показатели, подводящие итог демографической биографии поколений. Так, в США, Финляндии и Дании значения СКР для когорты женщин 1965 г. рождения были немного выше, чем в когорте 1950 г., а в Швеции и Норвегии практически сравнялись с ними.

Подчеркну, однако, что нет оснований трактовать перспективу, рисуемую авторами статьи в “Nature”, в качестве единственно возможной, это – лишь одна из альтернатив. В развитом мире сегодня четко обозначилась и другая – низкая или очень низкая рождаемость, при которой население страны воспроизводит себя не более, чем на 60–70%. Географически эта альтернатива представлена немецкоязычной Европой, романоязычной Южной Европой, постиндустриальной Азией и постсоциалистическими европейскими странами (см. рис. 1). К последним, несмотря на повышение СКР с 1,30 в 2006 г. до 1,54 в 2009 г. примыкает и Россия.

Отмечу также, что различия в уровнях рождаемости в названных странах определяются, главным образом, различиями в рождаемости старожилы, а не иммигрантов. Так, в США в кризисном 2009 г. СКР для всего населения составил 2,01 (самый низкий уровень с 1998 г.), для белого неиспаноязычного населения – 1,78 [Population... 2011]. В Италии значения того же показателя для всего населения составили – 1,42, для итальянцев – 1,32 [Istat... 2010, p. 10]. Вклад меньшинств в общую величину СКР, таким образом, значим, но его не стоит преувеличивать, он, как видно из приведенных выше данных, составляет около 0,1–0,2.

Весьма вероятно, что в странах, где рождаемость вплотную приблизилась к отметке простого воспроизводства, озабоченность собственно демографическими проблемами, такими как суженное воспроизводство населения и его старение, отойдет

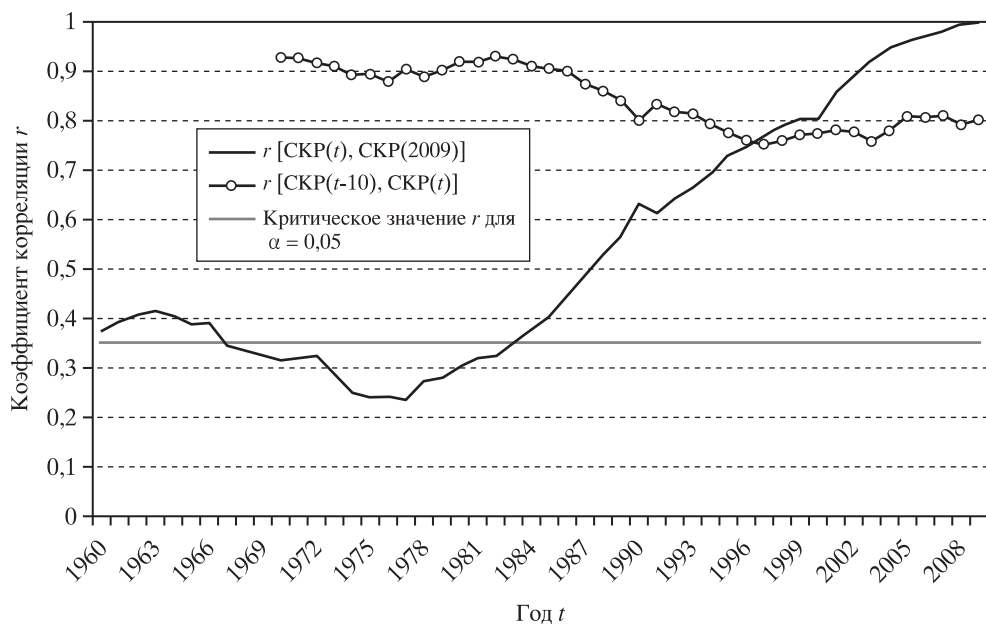

Рис. 2. Некоторые корреляции между суммарными коэффициентами рождаемости за 1960–2009 гг. для 32 стран ОЭСР.

на второй план. На авансцену выдвинутся этнодемографические, этносоциальные и вызванные ими политико-демографические проблемы. Едва ли не важнейшая из них обусловлена нарастанием численности населения, относящегося к основополагающим западным ценностям равнодушно, если не враждебно.

Бывшие колониальные метрополии из государств-наций все больше превращаются в подобие империй, расположенных уже не по всему свету, а на территориях самих метрополий. Однако если в империях прошлого сосуществование различных ценностных и правовых систем было политически рациональным, то в новых условиях грозит потерей “национальной идеи”, эрозией системы ценностей, скрепляющей западные общества. Британский премьер Д. Кэмерон заявил в этой связи о провале “государственного мультикультурализма”, добавив, что, “откровенно говоря”, его страна в последние годы нуждалась в значительно меньших дозах “пассивной толерантности” и значительно больших – “деятельного, мускулистого либерализма” [State... 2011]. Сходные заявления сделали в конце 2010–начале 2011 г. и лидеры других западноевропейских государств.

Одним из значимых последствий подобной позиции в европейских странах может оказаться дальнейшее изменение иммиграционной политики. Ее идеалом становится резкое уменьшение миграционного прироста населения при значительном изменении качественных параметров миграции. Желательными признаются образовательная миграция, международная мобильность бизнесменов и инвесторов, циркуляция высококвалифицированных работников транснациональных корпораций, передвигающихся по всему миру. Все остальные виды входящей миграции рассматриваются как нежелательные и – в ограниченных пределах – допускаются лишь в качестве вынужденной уступки внешнеполитическому давлению или гуманитарным соображениям. Британское правительство, например, планирует к 2015 г. сократить сальдо внешней миграции с 200 тыс. до нескольких десятков тысяч человек в год, при этом приоритет будет отдаваться инвесторам, высокооплачиваемым специалистам и ученым некоторых специальностей [Вьезд...].

В США с их огромной территорией и экономикой сдвиг в сторону подобной политики будет, вероятно, менее ощутимым. В наиболее сложном положении окажутся в этой ситуации развитые страны, рождаемость в которых останется крайне низкой. Им наряду с вышеперечисленными этнодемографическими и этносоциальными проблемами придется решать проблемы, связанные с нехваткой трудовых ресурсов.

В “отстающих” по уровню рождаемости постиндустриальных странах, скорее всего, произойдет коррекция социально-демографической политики, направленная на создание более благоприятных условий для сочетания профессиональной деятельности женщин и материнства. Далеко не гарантировано, однако, что она принесет быстрые плоды. Статистический анализ свидетельствует, что рождаемость обнаруживает существенную зависимость от предшествующего развития: “лидеры” и “аутсайдеры” редко меняются местами (см. рис. 2).

Обратная зависимость между уровнями женской занятости и рождаемости, наблюдавшаяся в развитом мире три десятилетия назад, уступила место прямой. Коэффициент корреляции между уровнем женской занятости и СКР для 35 стран ОЭСР (без Турции, Мексики и Мальты) составил в 2006 г. 0,64 и был статистически значим на однопроцентном уровне (рассчитано по [OECD... 2010]). По мнению многих исследователей, крайне низкий уровень рождаемости в Италии, Японии, Южной Корее обусловлен устойчивостью традиционных представлений о браке и семье и неблагоприятным положением женщин на рынке труда. Перестройка этих институтов даже при проведении необходимой социально-демографической политики может занять достаточно длительное время.

Альтернативы мирового Юга

Окажутся ли успешными попытки постиндустриальных стран Севера уменьшить объемы входящих миграционных потоков и увеличить в их составе долю высококвалифицированных и состоятельных мигрантов? Это во многом зависит от развития миграционных процессов на мировом Юге. Здесь также наблюдаются альтернативные тенденции. Крупномасштабную и часто нелегальную миграцию дешевой рабочей силы Юга в страны Севера по-прежнему нельзя сбрасывать со счетов. Однако все более явно обозначается и альтернативная тенденция, включающая ряд составных элементов: резкое увеличение внутреннего спроса стран Юга на рабочую силу низкой и средней квалификации; формирование мощных международных миграционных систем, не выходящих за пределы Юга; миграцию в страны Севера студентов и высококвалифицированных специалистов Юга и последующее возвращение части из них на родину. Эта тенденция наиболее ярко представлена в Китае и в несколько меньшей степени в Индии.

По оценкам Всемирного банка, в динамично развивающиеся прибрежные районы КНР из западных и центральных провинций переселились около 150 млн китайцев [Новый... 2009, с. 17]. Англоязычные китайские СМИ полны сообщениями о дефиците рабочей силы в наиболее развитых провинциях КНР. В последнее время этот дефицит усугубляется ростом мировых цен на продовольствие, увеличивающим доходы крестьянских хозяйств и снижающим стимулы к миграции из сельских в городские районы [China... 2011].

Чистый отток населения из КНР по-прежнему велик и, по приближенным оценкам, возможно, недоучитывающим нелегальную миграцию, составлял в 2008 г. около 520 тыс. человек (рассчитано по [Migration...]). Однако среди китайцев, эмигрирующих в развитые страны, становится все больше высококвалифицированных специалистов и студентов. По данным ЮНЕСКО, в 2008 г. за границей обучались 441,2 тыс. студентов из КНР, в том числе 110,2 тыс. – в США [Global... 2010, р. 177]. Далеко не все китайские студенты, обучающиеся за границей, возвращаются домой, но их число достаточно велико и имеет тенденцию к росту. По данным на конец 2006 г., из 1067

тыс. жителей КНР, обучавшихся за границей, на родину вернулись 275 тыс. [Ларин, 2008, с. 19].

Внутренние миграционные потоки нарастают и в Индии, где в период между переписями 1991 г. и 2001 г. численность мигрантов выросла на 32,9% [Migration... 2006]. Хотя Индия по-прежнему в широких масштабах экспортирует неквалифицированную рабочую силу низкой и средней квалификации (прежде всего, в страны Персидского залива), представители индийской диаспоры в развитых странах глубоко интегрированы в их экономику и часто играют в ней авангардную роль. В Силиконовой долине, например, в конце XX в. индийскими были четыре из каждых десяти стартапов, треть инженеров имели индийское происхождение, 7% топ-менеджеров высокотехнологичных фирм – были индийцами [Report... 2001, р. 417]. Среднедушевые доходы представителей индийской диаспоры в Великобритании и США превышают средний по стране [Report, 2001, р. 127, 417]. За границей обучаются 170,3 тыс. индийцев, в том числе 94,7 тыс. – в США [Global... 2010, р. 180].

Международные миграционные системы Юга, замыкая на себя потоки рабочей силы низкой и средней квалификации, снижают масштабы ее миграции в страны Севера. Мощный центр притяжения международных мигрантов сформировался в арабских государствах Персидского залива. В настоящее время там работают около 15,1 млн иностранцев [World... 2010, р. 209]. Примерно две трети из них прибывают из Индии, Пакистана, Бангладеша, Филиппин и Индонезии, около четверти – из других арабских государств [Kapiszewski, 2006].

Миграционная практика стран Залива существенно отличается от той, что сложилась в странах классической иммиграции (США, Канада, Австралия) и западноевропейских государствах. Случаи предоставления гражданства иностранцам в странах Залива очень редки, время легального пребывания определяется наличием трудового контракта. Если в Германии, Франции, Нидерландах и ряде других европейских стран ставка на привлечение временных трудовых мигрантов в 1950-е–1970-е гг. обернулась формированием иммигрантских общин с высоким уровнем безработицы, то в странах Персидского залива этого не произошло.

Еще одним центром притяжения международных трудовых мигрантов стали динамично развивающиеся страны Юго-Восточной Азии – суммарная численность иностранных мигрантов в Малайзии, Сингапуре, Таиланде составляет 5,6 млн человек (рассчитано по [World... 2010, р. 171]). Крупные миграционные системы сформировались также в Западной и Южной Африке. Их роль особенно велика ввиду того, что снижение рождаемости в ряде африканских стран южнее Сахары в последнее время застопорилось. Так, СКР в Нигерии, наиболее многонаселенной (158 млн человек на середину 2010 г.) стране Африки, по данным переписи населения 1991 г. составлял 5,9; по данным двух последних обследований по вопросам демографии и здоровья: в 2003 г. – 5,7, в 2008 г. – также 5,7 [Nigeria... 2009, р. 51]. В этих условиях внутренние миграционные системы Африки оказываются фактором, снижающим миграционное давление на страны мирового Севера. В целом, миграционные системы “Юг–Юг” близки по своим масштабам системам “Юг–Север” (см. табл.).

Подводя итоги сказанному о новых тенденциях в демографическом развитии Севера и Юга, можно сделать некоторые теоретические выводы. Быстрое снижение рождаемости и смертности на протяжении значительной части XX столетия сформировали “переходное” мышление, трактующее демографическое развитие как последовательность сменяющих друг друга фаз. Реалии конца XX–начала XXI в. свидетельствуют, что это лишь одна из возможных, но отнюдь не единственно возможная форма такого развития. Параллельное существование относительно низкой и относительно высокой рождаемости в развитых странах может длиться весьма долго и, повторю, пока нет доказательств того, что первая является более ранней стадией развития, а вторая – более поздней. Что касается “старой” и “новой” структур миграции между Югом и Севером, то их длительное сосуществование весьма вероятно уже потому, что они дополняют друг друга.

Крупнейшие международные миграционные потоки за пределами России и стран СНГ

Потоки Юг–Север		Потоки Юг–Юг	
Страны выбытия-прибытия	Накопленная в стране прибытия численность мигрантов из страны выбытия (тыс. человек)*	Страны выбытия-прибытия	Накопленная в стране прибытия численность мигрантов из страны выбытия (тыс. человек)
Мексика–США	11 636,0	Индия–страны Персидского залива**	4867,9
Турция–Германия	2733,1	Бангладеш–Индия	3299,2
Страны Магриба***–Франция	2057,2	Пакистан–страны Персидского залива	1984,5
Китай–США	1736,3	Страны Южной Африки****–ЮАР	1859,4
Филиппины–США	1717,7	Индонезия–Малайзия	1397,7

* Значения данного показателя, именуемого в международной статистике *migrant stock*, характеризуют численность лиц, рожденных вне страны проживания (*foreign-born*) или (в некоторых случаях) лиц, имеющих иностранное гражданство. Эти значения не следует смешивать с оценками численности этнических диаспор, поскольку последние включают и лиц, рожденных в стране пребывания, и граждан этих стран.

** Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия.

*** Алжир, Марокко, Тунис.

**** Ботсвана, Зимбабве, Лесото, Малави, Мозамбик, Свазиленд.

Рассчитано по [Bylateral... 2010].

Альтернативные варианты развития, рассмотренные выше, выступают сегодня в качестве аттракторов, сосуществующих в историческом процессе и тем самым формирующих его. При этом альтернативность будущего определяется тем, что “мощность” каждого из аттракторов *a priori* неизвестна, а географические локализации областей их притяжения трудно предсказать заранее.

Альтернативы России

Возможные пути выхода России из демографического кризиса многократно анализировались ранее, в том числе и мною [Клупт, 2008]. Поэтому ограничусь рассмотрением вопросов, непосредственно связанных с альтернативами мирового демографического развития, о которых говорилось выше. Первый: удастся ли России приблизиться к тем развитым странам, рождаемость в которых достигает отметки простого воспроизводства населения или близка к ней? Второй: как адаптировать российскую экономику и общество в целом к миграционным реалиям XXI в.?

Пример развитых стран, рождаемость в которых достигла уровня простого воспроизводства населения или близка к нему, свидетельствует, что повышение рождаемости до уровня простого воспроизводства вполне возможно и в условиях наступившего столетия. Приближение к этому уровню следует считать долгосрочной стратегической целью России. Однако сложность и ресурсоемкость достижения этой цели не стоит недооценивать.

Во-первых, в развитом мире относительно высокого уровня рождаемости пока удалось достичь только странам, входящим в число мировых лидеров по показателям человеческого развития. Для них характерны не только среднелюшевые объемы ВВП, в несколько раз превышающие российский, но и высокая социальная эффективность его использования. Во-вторых, в ряде стран, также входящих по показателям человеческого развития в число лидеров (Германии, Японии, Испании, Италии), СКР по-прежнему

не превышает 1,4. Это свидетельствует о том, что на уровень рождаемости существенно влияют особенности институциональной структуры, сложившейся в различных странах. Последняя – продукт длительного исторического развития и обладает значительной инерцией. СКР Германии, например, на протяжении последних 60 лет ни разу (!) не превышал СКР Франции.

Из сказанного следует, что для повышения рождаемости России необходимо одновременно решать две одинаково сложные задачи – повышать качество жизни населения и перестраивать институты, обеспечивая большую совместимость профессиональной и родительской ролей женщин. Здесь необходимо и решение элементарных вопросов, таких как обеспечение достаточного числа мест в детских дошкольных учреждениях, и более сложных – создания условий, при которых перерывы в профессиональной деятельности, связанные с рождением и воспитанием детей, не будут превращаться для женщин в материальную и/или карьерную катастрофу. Все эти задачи достаточно ресурсоемкие, однако ситуация складывается предельно жестко – без постоянного наращивания средств, направляемых в сферу воспроизводства и защиты человеческой жизни, России не выйти из демографического коллапса. При этом противопоставление вложений, направленных на снижение смертности, средствам, которые расходуются с целью повышения рождаемости, представляется неоправданным. Такое противопоставление исходит из наличия некоторой фиксированной пропорции между объемами бюджетных средств, направляемых “на демографию” и на другие нужды. В действительности, однако, эта пропорция – величина переменная, определяемая приоритетами государства, а в конечном счете – политической борьбой.

Второй вопрос связан с альтернативами миграции. Сложившиеся в современном мире миграционные системы можно классифицировать по видам экономической деятельности, которые эти системы преимущественно обслуживают. Кроме того, миграционные системы различаются по соотношению в них потоков иммигрантов, прибывающих на постоянное местожительство, и временных трудовых мигрантов.

Современная Россия – ключевое звено Евразийской миграционной системы, каркас которой составляют потоки трудовых мигрантов в Россию из Белоруссии, Украины, Молдавии и постсоветской Центральной Азии. Эта система не относится к постиндустриальным, ее, скорее, можно определить как индустриально-сервисную. На шкале “временная миграция–переезд на постоянное местожительство” она располагается ближе к “временному” полюсу, однако, в отличие от миграционной системы стран Персидского залива, отнюдь не прилегает к нему вплотную. Хотя юридически большинство въезжающих в Россию принадлежат к временным мигрантам, фактически значительная их часть относится к промежуточным категориям населения. Многие “временные” мигранты живут в России уже достаточно долго, другие не определились до конца в своих намерениях, кто-то настроен на получение российского гражданства.

Евразийская миграционная система, несомненно, выполняет ряд важных экономических и политических функций, обеспечивая потребность российской экономики в относительно дешевой рабочей силе и стабилизируя положение в Центральной Азии. Тем не менее достоинства данной системы не стоит преувеличивать. В силу своего индустриально-сервисного характера Евразийская миграционная система не может вносить сколько-нибудь существенного вклада в развитие высокотехнологичных отраслей российской экономики. Не стоит ожидать от нее и вклада в развитие демократических институтов. Напротив, трудовые мигранты, прибывая в Россию из стран, где такие институты не сложились, приносят с собой свои представления о нормах взаимоотношений между “низамы” и “верхами” как в сфере производства, так и в обществе в целом. Эти представления легко согласуются с нравами российской теневой экономики, однако явно не способствуют утверждению в России западной политической культуры и цивилизованных трудовых отношений.

Негативное отношение значительной части россиян к трудовой миграции в Россию принято списывать на “ксенофобию”, непонимание ими собственных интересов.

Однако не стоит упускать из виду и другую правду – миграция в ее современном виде воспринимается многими жителями страны как составная часть опостылевшей коррупционной системы. Да и с интересами все обстоит не так однозначно: выгоды от миграции получают преимущественно одни группы населения, а с ее издержками сталкиваются другие.

Наряду с евразийской миграционной системой в России начинает формироваться постиндустриальная миграционная система “Россия–Запад”. В структуре составляющих ее миграционных потоков велик удельный вес лиц, получивших или получающих высшее образование, ее важный составной элемент – бизнес-миграции. При этом баланс движения знаний и кадров складывается не в пользу России. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы сделать эту систему более сбалансированной. Примером постепенного решения этой задачи могут служить Китай и Индия, которым год за годом удается извлекать все больше “плюсов” из постиндустриальных миграционных систем, связывающих их с Западом.

В миграциях XXI в., в отличие от миграций прошлых веков, в значительно меньшей степени выражен элемент безвозвратности. Часть эмигрантов, разумеется, как и прежде, покидают страну навсегда и избегают дальнейших контактов с ней. Однако все более распространенной становится ситуация, когда мигранты оказываются заинтересованными в продолжении экономических и культурных связей со странами выбытия.

Увеличивается и доля транснационального населения. Разрыв между официальными данными российской эмиграционной статистики – 12,4 тыс. выбывших в страны дальнего зарубежья в 2010 г. [Росстат... 2010] и неофициальными оценками, согласно которым за 2003–2008 гг. из России уехали не менее 440 тыс. человек (Новая газета, 28 ноября 2008 г.), очень велик. Этот разрыв не возбраняется, конечно, комментировать и в духе грибоедовского “все врут календари”. Однако в действительности за ним скрываются не только статистические погрешности (специалистам известно, что статистика эмиграции – слабое звено любой национальной статистической системы), но и объективные реалии.

Эмиграционная статистика в России основана на подаче гражданами, желающими перед выездом сняться с регистрационного учета по месту жительства, соответствующих заявлений, на основе которых заполняются листки статистического убытия. Статистически фиксируется также выход из гражданства. Тот факт, что значительная часть уезжающих из страны оставляет за собой российское гражданство и не спешит сниматься с регистрации, косвенно свидетельствует об их заинтересованности в сохранении в той или иной форме связей с Россией.

Подводя итоги сказанному, целесообразно воспользоваться категориями матрицы Бостонской консалтинговой группы (БКГ), не отличающимися, быть может, стилистическим изяществом, однако широко используемыми менеджерами по всему миру. Евразийскую миграционную систему в терминах этой матрицы можно определить как “дойную корову” – так матрица БКГ определяет продукт, приносящий в настоящий момент высокие доходы, однако не имеющий существенного (в нашем случае – для модернизации России) потенциала роста. Постиндустриальная миграционная система “Россия–Запад” – это, напротив, “знак вопроса”.

Меры, направленные на максимальное использование потенциала соотечественников, проживающих за границей, важны, и, как показывает опыт Китая и Индии, рано или поздно могут принести ощутимые плоды. Тем не менее решающую роль играют, вероятно, не столько сами эти меры, сколько инвестиционный, политический и моральный климат в стране, определяющий жизненные стратегии тех, кто по тем или иным причинам оказались за ее пределами.

Русла и джокеры (вместо заключения)

Исследователи, активно использующие идеи синергетики и нелинейной динамики при изучении исторического процесса, различают в нем “области русел” и “области джокеров”, в которых неопределенность последующего развития, соответственно, мала или велика [Малинецкий, 1997]. Как локализованы эти области в историческом потоке?

По мнению ряда авторов, “хаотическая динамика на микроуровне генерирует высокодетерминированное системное поведение на макроуровне” [Коротаев... 2005, с. 141]. В качестве доказательства этого тезиса часто приводится гиперболический рост населения Земли, наблюдавшийся, вопреки региональным флюктуациям, с незапамятных времен до конца 50-х (по другим расчетам – до начала 70-х) гг. XX столетия. Оставим за скобками проблему достоверности данных и допустим, что такой рост действительно имел гиперболическую форму. Что это доказывает? На мой взгляд, только то, что в глобальном демографическом развитии есть области русел. Из этого, однако, вовсе не следует, что в нем нет областей джокеров или, иными словами, что оно безальтернативно.

Представление о том, что хаос на микроуровне порождает порядок на макроуровне, базируется на законе больших чисел, предполагающем взаимное погашение разнонаправленных отклонений от некоторой магистральной линии развития. Однако при взаимодействии цивилизаций такое погашение отнюдь не гарантировано. Культурно-географические регионы Земли обладают своей индивидуальностью, являются носителями определенных экономических и политических тенденций. Победа одной или другой из них может кардинально менять судьбу всей земной цивилизации. Возможен и мирный симбиоз различных культур, расположенных на одной территории, но существующих в параллельных социальных мирах и не подпускающих к своему ядру чужаков. Еще один вариант взаимодействия – формирование синкретических культур, сочетающих черты различных цивилизаций. Каждый из названных вариантов взаимодействия порождает специфическую цепь событий, приводящих, как это ярко показал в своих контрфактических эссе А. Тойнби [1979; 1994], к различным картинам будущего мира.

Вопрос о том, определяют ли общепланетарные закономерности развитие регионов или, напротив, развитие и взаимодействие культурно-географических регионов (цивилизаций) формирует закономерности развития общечеловеческой цивилизации, методологически коварен. Дискуссия на эту тему легко может превратиться в подобие пресловутого спора “тупоконечников” и “остроконечников”. Один из способов избежать такого поворота событий состоит в том, чтобы не спешить с решением вопроса в общем виде. Продуктивнее, на мой взгляд, подойти к нему эмпирически – попытаться установить, когда от регионального “хаоса” можно безболезненно абстрагироваться, а когда при таком абстрагировании из ванны вместе с водой будет выплеснут и ребенок.

На мой взгляд, степень альтернативности глобального исторического развития относительно невелика там, где речь идет только о небольшом числе его собственно демографических характеристик, таких, например, как численность населения Земли или его возрастная структура. Неопределенность в вопросе о том, насколько мощным окажется “высокий аттрактор” рождаемости, локализованный в США, Франции и других постиндустриальных странах, и сумеет ли он “притянуть” к себе такие страны, как Германия, Италия или Япония, уже значительно выше. Достаточно сложно предсказать и будущую динамику новых миграционных связей между мировым Югом и Севером, опосредующих движение знаний, технологий и инвестиций. И уж совсем непросто прогнозировать влияние демографического развития на изменения будущей политической карты мира, этносоциальной и этноконфессиональной структуры населения различных регионов Земли.

Хорошая иллюстрация сказанному – вышеупомянутый гиперболический закон роста численности человечества. Ряд исследователей [Коротаяев... 2005; 2010] полагают, что подобный рост объясняется автокаталитическим процессом: больше людей – больше “потенциальных изобретателей” – больше “несущая способность Земли” – больше людей и т.д. Против подобного объяснения можно выдвинуть ряд аргументов², однако допустим на минуту, что оно верно. Можно ли в этом случае, переместившись, скажем, в середину XV столетия, предсказать на основе гиперболического закона предстоящее “открытие” Америки и последующий ее захват конкистадорами, представлявшими далеко не самые многочисленные нации тогдашнего мира? Можно ли на основе того же закона предсказать последовавшее затем ослабление Испании и Португалии, в результате которого Северная Америка досталась английским и (отчасти) французским, а не испанским и португальским переселенцам, и т.д.? Ответ на эти вопросы будет, очевидно, отрицательным.

Готов признать: мои рассуждения о том, что в демографическом развитии и смежных с ним сферах относится к областям русел, а что – к областям джokers, до соотвествующего эмпирического подтверждения остаются не более, чем экспертными оценками, гипотезами. Возможно ли их подтверждение или опровержение в принципе? Думаю, что да – для этого необходимо обратиться, используя, среди прочего, и методы математической истории, к событиям, ключевую роль в которых сыграли взаимодействия собственно демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции) с этнопрофессиональной, этносоциальной и этноконфессиональной структурами населения. Пока же остается сформулировать вопросы, обращенные не в прошлое, а в будущее.

Как отреагирует мировой Север на продолжающийся приток выходцев с мирового Юга? Противопоставит ему “мускулистый либерализм” и сохранит ценностное единство своих обществ? Сумеет обеспечить простое воспроизводство населения за счет уже имеющихся человеческих ресурсов, допуская в страну только самых “высококачественных” мигрантов? Смирится с постепенным превращением государств-наций в конгломерат этнических групп, связанных между собой лишь экономической взаимозависимостью?

Как ответит Северу Юг? Останется вечным поставщиком дешевой рабочей силы? Расколется на две части, одна из которых сможет перестроить миграционные системы таким образом, чтобы они обеспечивали постоянный приток капиталов, технологий, знаний и их носителей из стран Севера? Где пройдет граница между этими двумя частями?

Каков будет эффект взаимодействий Севера и Юга? Как изменится численность трансграничных моноэтнических общностей и многонациональных семей? Станут ли они фактором раздора или, напротив, будут цементировать единую человеческую цивилизацию? Как, наконец, скажется все это на мировом балансе сил, эффективности мировой экономики и человеческой цивилизации в целом?

На мой взгляд, достаточно убедительных доказательств того, что совокупность сложных структур и отношений, о которой шла речь выше, способна развиваться только по какому-то одному, единственно возможному сценарию, определяемому каким-то одним “параметром порядка”, на сегодняшний день не существует. Поэтому предпочтительной остается хорошо известная стратегия – внимательно следить за появлением новых альтернатив, своевременно анализировать силы, слабости, угрозы и возможности, используя в зависимости от специфики изучаемого объекта и наличных ресурсов как “простые”, так и “сложные” математические модели.

² Неясно, почему в одних странах “потенциальные изобретатели” превращались в реальных, а их изобретения внедрялись в практику, увеличивая “несущую способность Земли”, тогда как в других этого не происходило. Правомерен и вопрос С. Циреля – каким образом население Земли продолжало расти по квадратической гиперболе в середине XX в., когда демографический рост обеспечивался в основном развивающимися странами, вклад которых в мировой технологический прогресс был очень невелик? [Цирель, 2003].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский А.Г.* Постсоветское демографическое пространство: Восточная Европа или интегрированная часть Европы? // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 10.
- Въезд в Британию открыт высокооплачиваемым иммигрантам (http://www.bbc.co.uk/.../110216_immigration_high_earners.shtml).
- Демографический ежегодник России. 2010. Статистический сборник. М., 2010.
- Демография как коварная наука // *Демоскоп-Weekly*. № 453–454, 7–20 февраля 2011 (<http://www.demoscope.ru>).
- Клупт М.А.* Демография регионов Земли. СПб., 2008.
- Коротаев А.В., Чернавский Д.С., Малков А.С., Чернавская Н.М.* Математические модели исторической демографии (Как хаос на микроуровне порождает предсказуемую динамику на макроуровне) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 5.
- Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В.* Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М., 2010.
- Ларин А.Г.* Китай и зарубежные китайцы. М., 2008.
- Малинецкий Г.Г.* Нелинейная динамика и “историческая механика” // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2.
- Население России 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. М., 1998.
- Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. М., 2009.
- Панкратов К., Турчин П.* Детотрясение // *Эксперт*, 27 декабря 2010 г.
- Росстат. Демография в 2010 г. (http://www.gks.ru/bgd/free/b11_00/IssWWW.exe/Stg/dk01/7-0.htm).
- Тойнби А.Дж.* Если бы Александр не умер бы тогда // *Знание – сила*. 1979. № 12.
- Тойнби А.Дж.* Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели // *Знание – сила*. 1994. № 8.
- Цирель С.П.* О феноменологической теории роста С.П. Капицы // *Демоскоп Weekly*. 2003. № 139–140 (<http://www.demoscope.ru>).
- Bylateral Migration and Remittance. Excel Database November 2010 // The Worldbank (<http://go.worldbank.org/JITC7NYTT0>).
- China Labor Shortage Spreads by Olivia Chung // *Asia Times Online*. Jan. 29, 2011 (http://www.atimes.com/atimes/China_Business/MA29Cb01.html).
- Global Education Digest 2010 Comparing Education Statistics Across the World/UNESCO. Institute for Statistics. 2010.
- Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development / UNDP. 2010 (<http://hdr.undp.org/en/>).
- Istat. Natalità e fecondità della popolazione residente: caratteristiche e tendenze recenti. Anno 2008–18 marzo 2010 (<http://www.istat.it/salastampa/comunicati/non...00/testointegrale20100318.pdf>).
- Kapiszewski A.* Arab versus Asian Migrant Workers in the GCC Countries // UN/POP/EGM/2006/02 May 22, 2006 (http://www.un.org/esa/population/meetings/EGM_Ittmig_Arab/P02_Kapiszewski.pdf).
- Migration in India / IOM India. 2006 (http://www.iomindia.in/migration_in_india.html).
- Migration Information Source/Migration Policy Institute (<http://www.migrationinformation.org/resources/china.cfm>).
- Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.* Advances in Development Reverse Fertility Declines // *Nature*. Vol. 460. August 6, 2009. Цит. по русскому переводу статьи в электронном журнале “Демоскоп-Weekly”. 2009. № 401–402.
- Nigeria Demographic and Health Survey 2008 / USAID, UNPFA. 2009.
- OECD Family Database OECD / Social Policy Division – Directorate of Employment, Labour and Social Affairs. 1 SF2.1: Fertility rates. Last updated 20/12/2010 (<http://www.oecd.org/els/social/family/database>).
- Population Reference Bureau (электронный ресурс). Decline in U.S. Fertility in Racial/Ethnic and Age Groups, 2008 and 2009. By M. Kent. February 2011 (<http://www.prb.org/Articles/.../us-fertility-decline.aspx>).
- Population Reference Bureau 2010 World Population Data Sheet (<http://www.prb.org>).
- Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora. New Delhi, 2001.
- State Multiculturalism has Failed, says David Cameron. BBC News UK Politics. February 5, 2011 (<http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12371994>).
- Van de Kaa D.J.* Europe’s Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42
- World Migration Report 2010. The Future of Migration: Building Capacities for Change. IOM. 2010.